

В. В. Баранова. Адаптация глагольных заимствований в монгольских языках

В статье рассматриваются стратегии адаптации глагольных заимствований в монгольских языках и их распределение в зависимости от языка-донора или под влиянием других факторов. Монгольские языки позволяют проследить контакты с разноструктурными языками на значительной территории и в различных контактных микроареалах.

В монгольских языках представлены три стратегии: не прямое включение (оформление специальным показателем), использование вспомогательного глагола, а также прямое включение иноязычных глаголов (последняя не слишком частотна). Большинство монгольских языков используют более одного варианта включения иноязычных глаголов. Внутри стратегии также существует вариативность, например, несколько аффиксов в халха-монгольском для непрямого включения или вспомогательный глагол в бурятском. Возможно, что выбор той или иной стратегии является ареальной чертой, характерной и для монгольских, и для контактирующих с ними других языков.

В статье затрагивается вопрос о соотношении монгольских данных с представлением о том, что типологически легче и чаще заимствуются именные основы, а не глагольные. Данные монгольских языков показывают, что в некоторых случаях иноязычные глагольные основы трактуются как именные и к ним «по умолчанию» добавляется вербализующий суффикс. Возникает вопрос о том, насколько для конкретных языков важна частеречная природа заимствованных слов, особенно в контакте с языками, в которых свойства имени и глагола мало различаются.

Ключевые слова: глагольные заимствования, вербализатор, вспомогательный глагол

М. П. Безенова. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: глагольная морфология

В статье рассматриваются глагольные морфологические особенности перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык. Актуальность исследования обусловлена тем, что письменные памятники являются одним из основных источников изучения истории языка, однако большинство памятников удмуртской письменности на данный момент еще не рассмотрено.

Описание морфологических особенностей в статье основано на проведенном ранее анализе графической и фонетической систем перевода «Закона Божия» на удмуртский язык. При этом основным методом исследования является сопоставление языкового материала памятника с данными современного литературного удмуртского языка и его диалектов.

В работе подробно рассматриваются категории наклонения, времени и залога, характерные для современного удмуртского языка, а также неспрягаемые формы глагола, к которым относятся инфинитив, причастие и деепричастие. В результате анализа в памятнике нами был выявлен ряд особенностей, характеризующихся употреблением маркеров с *ы*-овыми огласовками в соответствии с *и*-овыми в литературном языке и южноудмуртских диалектах в формах возвратного залога, настоящего времени 1-го и 2-го лица, прошедшего неочевидного времени 3-го лица множественного числа, причастий настоящего времени, образованных от глаголов I спряжения. Все *ы*-овые варианты оказались архаичными по своему происхождению, а *и*-овые объясняются переходом первоначального *ы* в *и* перед палатальным согласным. В переводе «Закона Божия» нам удалось выявить лишь один маркер инновационного характера — показатель деепричастия *-чѣзь (-тчозя-)*.

Таким образом, анализ показал, что глагольная морфологическая система памятника имеет архаичный характер.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектология, памятники письменности, глагольная морфология

В. В. Воробьева, И. В. Новицкая. Морфология имени существительного в восточнохантыйском (ваховский, васюганский, сургутский, салымский)

В настоящем исследовании представлены результаты сравнительного анализа системы именных морфологических маркеров в четырех диалектах восточных ханты (вахском, васюганском, сургутском и салымском). Были проанализированы морфологические маркеры, образующие парадигмы трех именных категорий: падежа, числа и посессивности. Цель анализа заключалась в выявлении общих и уникальных черт диалектов восточнохантыйского. В основе анализа лежит описание и интерпретация языковых фактов, полученных от носителей восточного варианта

хантыйского в двадцатом веке и представленных в нескольких значимых исследованиях грамматики хантыйского языка. Эти данные сравнивались с языковым материалом, полученным от носителей вахского диалекта хантыйского языка в ходе полевых исследований (2017–2019 гг.). Сравнение с текущими данными показало устойчивость и сохранность именной системы в восточных диалектах хантыйского, которая осталась практически неизменной, несмотря на продолжающееся влияние русского языка.

Хотя рассматриваемые именные категории являются общими для четырех восточных диалектов хантыйского, сравнительный анализ их парадигм выявил некоторые спорные вопросы, касающиеся статуса некоторых маркеров, их форм и использования. Дискуссионные аспекты этих трех категорий связаны с морфемным представлением и статусом некоторых маркеров, а также с используемой терминологией. Самой дискуссионной является категория падежа. Всего в восточнохантыйских диалектах имеется девять продуктивных падежных показателей: номинатива, аблатива, алатива, латива, локатива, абессива, комитатива, косвенного, транслатива, к которым примыкает ограниченный в использовании маркер дистрибутива.

Морфологическая система ныне используемых диалектов восточнохантыйского – вахского и сургутского – имеет некоторые диалектные различия. Формальные диалектные различия в этих диалектах обнаруживаются в формах притяжательных суффиксов и падежных маркеров.

Ключевые слова: восточнохантыйский, именная морфология, число, посессивность, падеж, диалектные различия

Ю. В. Норманская. Словари пермских манси «аборигенов Сибири», собранные П. С. Палласом в XVIII веке

Как было показано в работах Я. Гуйя, мансийские диалекты в XVIII в. не имели диалектных особенностей, характерных для XIX—XX в. и подробно описанных в работах Л. Хонти. Насколько нам известно, словари П. С. Палласа по пермским мансийским говорам с этой точки зрения ранее подробно не изучались. В настоящей статье показано, какое место занимали говоры пермских манси в существующей классификации диалектов. Анализ материала словарей пермских мансийских говоров, собранных П. С. Палласом, позволил: 1) в двух случаях уточнить реконструкцию ПМанс. фонем, поскольку рефлекс $a < \text{ПМанс. } *ā, ē < \text{ПМанс. } *j$ занимают ареалы, форма которых указывает на инновационное развитие этих рефлексов; на ПМанс. уровне предположительно следует восстанавливать $*o$ и $*ā$ соответственно; 2) установить, что в двух случаях инновационные развития в пермских говорах схожи с фонетическими переходами в тавдинском южном диалекте: ПМанс. $*o$ ($*ā$ по [Honti 1982]) $> a$, ПМанс. $*u > o$. Однако развитие ПМанс. $*y > o$, зафиксированное в пермских мансийских говорах, представлено в восточных мансийских и в части западных диалектов, но не отмечено в южных и северных диалектах. В других случаях в пермских мансийских диалектах представлено архаичное прамансийское состояние. В случае изменения ПМанс. $*u > o$, имевшего место в южных диалектах, привлечение пермских мансийских данных позволяет датировать время этого перехода.

Проведенный анализ показывает, что существующая классификация мансийских диалектов, описывающая разделение мансийских диалектов примерно 1 тыс. лет назад, должна быть изменена, поскольку в соответствии с ней по одним признакам пермские диалекты относятся к южным, а по другим — к восточным и западным. Мы считаем, что, возможно, следует отказаться от классификационного признака «развитие ПМанс. $*-y$ », поскольку во всех северных мансийских текстах XVIII—XIX вв. отсутствует рефлекс ПМанс. $*-y$; более того, по нашим полевым данным, такое развитие представлено и в современном северном среднеобском диалекте. Таким образом, этот признак не разделяет генетически разные диалектные группы между собой, а имеет ареальную специфику. По остальным инновационным признакам исчезнувшие пермские мансийские диалекты наиболее близки к тавдинскому диалекту, и, видимо, к этой группе его следует относить. Становится ясно, что еще в XVIII в. южные диалекты, ныне исчезнувшие, простирались еще почти на 300 км на запад в Свердловскую область.

Ключевые слова: мансийский, пермские диалекты, П. С. Паллас, архивные материалы

П. С. Пииспанен. Новые позднепраюкагирские реконструкции и добавления к различным этимологиям

В статье на основе исторически засвидетельствованных юкагирских данных предлагается несколько новых или скорректированных реконструкций позднепраюкагирских корней. Позднепраюкагирский язык — это последний общий предок всех юкагирских идиомов, включая существующие ныне тундренный юкагирский и колымский юкагирский языки. Множество позднепраюкагирских корней было убедительно и исчерпывающе реконструировано ранее в словаре [Nikolaeva 2006], и данная статья — это скромная добавка к этому материалу. Представленные здесь данные обсуждаются с точки зрения фонологии и семантики с использованием фонологических методов, близких к методам И. А. Николаевой, и с добавлением некоторых семантических соображений, не учтенных в словаре.

Здесь представлены следующие позднепраюкагирские (ПЮ) этимологии: 1) ПЮ **kejwə*- ‘быть тонким’, 2) ПЮ **ačī*- ~ **ači*- ‘нести’, 3) ПЮ **pyūō* ‘тепло > вид теплого покрытия: мех, перья, волосы, борода’, 4) ПЮ **inč*- ‘сегодня; сейчас’; 5) ПЮ **nuliñčə* ‘толпа’.

Кроме того, приводится ряд этимологических комментариев, заметок, дискуссионных замечаний и новых деталей к юкагирским словам, от старых неясных записей до современных материалов, с пояснениями, исправлениями и новыми данными. Обсуждаются юкагирские корни (или поздние русские или эвенкийские заимствования), предлагаются новые значения, в том числе: ПЮ **niyej*- ‘тяжелый, трудный’, ПЮ **l’omčə* ~ **l’omjə* ‘влага; ронять перья > терять цвет’, ПЮ **otniyūə* ‘сука’, ПЮ **oñ*- ‘трещина, щель, отверстие’, ПЮ **per*- ‘порог, шесты, врытые в землю у входа в юрту’, ПЮ **ñetl’ə* ‘лиса’, рус. *заврик* ‘шарф’, ПЮ **šogi* ‘мешок’, ПЮ **iwe:r* ‘место вокруг сердца’, ПЮ **ečə*: ‘отец’, ПЮ **mi:-bə* ‘лезвие’, ПЮ **ejmə* ‘цена, плата’, рус. *писка* ‘пенис’, рус. *чашка*, рус. *Варвара*, *Ewenki noyo:n* ‘зеленый’, ПЮ **nunkə* ‘нельма’.

Ключевые слова: юкагирский язык, реконструкция, этимология, семантический переход

Н. М. Стойнова. Разные стратегии адаптации заимствований в похожих морфологических системах: русские существительные в нанайском и ульчском языках

В статье рассмотрен вопрос о том, как словоизменительная система языка-реципиента влияет на стратегию адаптации лексических заимствований и, с другой стороны, какую роль могут играть лексические заимствования в его словоизменительной системе. Обсуждаются стратегии морфологической адаптации русских существительных в двух южно-тунгусских языках: нанайском и ульчском. Несмотря на близость этих двух языков и, в частности, большое сходство их словоизменительных систем, русские существительные ведут себя в них очень по-разному. Более того, в ульчском языке они на первый взгляд даже образуют особый, промежуточный, словоизменительный тип.

И в нанайском, и в ульчском языках основы делятся на два словоизменительных типа: основы на гласный принимают один набор словоизменительных показателей, основы на согласный — другой. При этом набор возможных исходов на согласный очень ограничен. Основная сложность при адаптации русских существительных состоит в том, что многие из них оканчиваются на такие согласные, которые нехарактерны для нанайского и ульчского. Это противоречие снимается в нанайском и ульчском языках по-разному. Интересно, что ни в том, ни в другом языках такие существительные не включаются в класс исконных основ на согласный. В нанайском языке к таким существительным добавляется эпентетический гласный и они встраиваются в словоизменительный класс существительных с основой на гласный (*класс-a-wa* ‘класс-STEM-ACC.V’). В ульчском языке они принимают показатели, характерные для основ на гласный, несмотря на то что оканчиваются на согласный (*класс-wa* ‘класс-ACC.V’). Тем самым, о таких словах можно говорить как об особом небольшом подклассе основ с нестандартным морфологическим поведением.

Если более внимательно посмотреть на вариативность в ульчском именном словоизменении, а также на некоторые поверхностно-фонетические явления, ульчская стратегия адаптации заимствований и ее отличия от нанайской кажутся вполне закономерными. Ульчская система именного словоизменения оказывается менее жесткой, чем нанайская, отсюда разница в поведении русских существительных. С другой стороны, наличие в ульчской системе русских заимствований, ведущих себя особым образом, можно считать дополнительным фактором, расшатывающим нестабильную словоизменительную систему.

Ключевые слова: языковые контакты, лексические заимствования, переключение кодов, морфологическая адаптация заимствований, именное словоизменение, тунгусо-маньчжурские языки, нанайский язык, ульчский язык, русский язык

Ф. Г. Хисамитдинова, З. Н. Экба. Наименования духов-хозяев в башкирской мифологии

Статья посвящена анализу именовании персонажей башкирской мифологии *эйэлэр/ийэлэр* ‘духи-хозяева’. Согласно представлениям древних башкир, *эйэлэр* ‘духи’ являются хозяевами, покровителями различных объектов, местностей, природных стихий, помещений, временных отрезков, а также помощниками шаманов, баксы и других «знающих людей». С точки зрения происхождения духи-хозяева, духи-покровители, судя по функциям и терминологии, восходят к древнейшим шаманистическим представлениям тюрков.

В ходе исследования обнаружилось тяготение некоторых типов именовании к определенным диалектным зонам. Наиболее распространенное название *эйә/ийә* ‘дух, хозяин’ является общешкирским (и общетюркским); вторые компоненты имен духов *хужа* ‘хозяин’ и *баба* ‘дед, старик’ могут быть достаточно надежно связаны с северо-западной и южной диалектными зонами; общешкирскими является также *ана/инә* ‘мать’; *батша* ‘царь’ тяготеет к восточному диалекту, *эби/эбей* ‘бабушка, старушка’ — к северо-западному. Все остальные названия не имеют столь широкого распространения, чтобы можно было делать достоверные выводы об их диалектной принадлежности.

Отмечается значительное влияние исламской религии на мифологию башкир: часть мусульманских святых постепенно перенимает функции духов-покровителей в народном сознании, что находит отображение и в языке, и в духовной культуре. В народном творчестве башкир представлены многочисленные примеры контаминации названий духов языческого периода с названиями, содержащими имена мусульманских святых.

Некоторые названия духов-хозяев имеют соответствия в других тюркских языках, прежде всего близкородственных, в частности, названия с использованием в качестве второго компонента имен родства *ана/инә* ‘мать’, *ата/баба* ‘отец’. По смысловому содержанию и выполняемым функциям к категории сверхъестественных существ с такими названиями максимально приближены духи-покровители, связанные с культом предков, — подобные наименования имеются во многих других тюркских языках и восходят к шаманистическим представлениям древнетюркского этноса.

Ключевые слова: башкирский язык, башкирские диалекты, тюркская мифология, духи-хозяева, духи-покровители, духи-помощники, языческие верования древнетюркского этноса

Н. В. Сайнакова, С. В. Ковылин. Материалы по топонимике Кетского Приобья как основа для выявления границ расселения диалектно-локальной группы *šöšqum/šöšqur* и подтверждения промежуточного статуса среднеобского (шешкумского/шешкупского) диалекта селькупского языка

Статья посвящена изучению и анализу топонимического материала, зафиксированного на территории проживания этнографической (диалектно-локальной) группы *šöšqum/šöšqur* р. Оби и прилегающей к ней территории. Она нацелена на поиск доказательств, подтверждающих промежуточный статус представленной группы на основе лингвистического анализа топонимов. На сегодняшний день практически нет работ, в которых топонимы выступали бы важным маркером для определения территории расселения селькупских диалектно-локальных групп с точки зрения этнической истории и лингвистики.

В ходе исследования был обобщен топонимический материал, собранный исследователями в Кетском Приобье, и осуществлен лингвистический разбор выявленных топонимов по признакам центральных и южных диалектов, очерчены ареалы распространения этих признаков на карте. Все топонимы на селькупском языке были соотнесены с русскими названиями. В ходе проведенного анализа всего топонимического материала были составлены две таблицы и одна карта. Первая таблица демонстрирует центральные и южные признаки, отраженные в топонимах *шешкумов/шешкупов* р. Оби и топонимах, записанных в соседних поселках, входящих в ареал, прилегающий к территории расселения *шешкумов/шешкупов*. В целом почти в каждом из рассмотренных «диалектов» населенных пунктов можно выделить как центральные, так и южные признаки, которые плавно нарастают к соответствующим центральным и южным границам проанализированного ареала. Во второй таблице показано соотношение топонимов, записанных лингвистами и этнографами на селькупском и русском языке (1952—2019 гг.). Все селькупские топонимы, которые удалось найти, были отмечены на карте по наличию в них центральных и южных диалектологических признаков. Сопоставив официальные топонимические данные и

материал, собранный от старожилов-селькупов и русских рыбаков, мы выявили, что между официальными названиями и названиями, которые используют местные жители, есть существенные различия, а большое количество топонимов не занесено на карту.

Можно предположить, что метод определения расселения *шёшкумов/шёшкупов* при помощи диалектных особенностей селькупского языка, отраженных в названиях топонимов, в данном случае не является достаточно эффективным для выявления границ данной диалектно-локальной группы, но наглядно доказывает промежуточный статус среднеобского диалекта.

Ключевые слова: селькупы, обские шёшкумы/шёшкупы, топонимика, диалектные особенности, диалектно-локальный ареал, этнографическая группа

Ю. В. Норманская. Дискуссионная заметка к статье Н. В. Сайнаковой и С. В. Ковылина «Материалы по топонимике Кетского Приобья как основа для выявления границ расселения диалектно-локальной группы *šöšqum/šöšqip* и подтверждения промежуточного статуса среднеобского (шёшкумского/шёшкупского) диалекта селькупского языка»

В дискуссионной заметке классификация топонимов, предложенная Н. В. Сайнаковой и С. В. Ковылиным, рассматривается с точки зрения ее надежности и соответствия диалектному материалу первых селькупских источников. Как показывает анализ памятников XVIII и XIX вв., большинство признаков в тот период не позволяли надежно различить южные и центральные диалекты, в частности, 1) южное *í* ~ центральное *č*, 2) южное *-j* ~ центральное *-l/-l'*. В дискуссионной заметке приведена альтернативная классификация топонимов, выполненная на основании надежных общеизвестных диалектных признаков. В результате можно прийти к выводу, что количество примеров не является достаточным для убедительного отнесения говоров, в которых содержатся анализируемые топонимы, к южным или центральным или для доказательства их промежуточного статуса. Лишь для говора с. Иванкино промежуточный диалектный статус выглядит надежным, но он был известен и ранее.

Ключевые слова: селькупские диалекты, фонетика, графика, топонимика